

ДЕЙСТВИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА РОССИИ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩЕГО ВОИНСКИЙ ПРАВОПОРЯДОК, ВО ВРЕМЕНИ

Бодаевский В.П. заведующий кафедрой уголовного права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, Российская Федерация, Республика Крым, г. Симферополь

В науке уголовного права распространенным является мнение о том, что действие уголовного закона во времени означает возможность или невозможность применения соответствующего уголовного закона [1, с. 83; 2, с. 120],

Вопросы действия уголовного закона во времени, предусмотрены в статьях 9 и 10 УК РФ. Их положения являются обязательными и для системы военно-уголовных предписаний, представляющих собой неотъемлемую часть УК РФ, но с некоторыми особенностями, выработанными теорией и практикой.

Действие уголовного закона во времени, в том числе и военно-уголовного, базируются, как правильно указали А.И. Бойцов и Б.В. Волженкин, на трех важных правилах: 1) к деянию применяется только тот закон, который соответствует времени его совершения; 2) обратную силу имеет только более мягкий и 3) не имеет более строгий закон [3, с. 4]. Своеобразие этих правил, применительно к военно-уголовному законодательству, связывается с вопросами нахождения Вооруженных Сил и других воинских формирований России в условиях мирного или военного времени, либо в условиях боевой обстановки, а также с тем, что закон военного времени, применяемый к военнослужащим, учитывая повышенную общественную опасность воинских преступлений, совершаемых в отмеченные временные периоды, значительно строже чем мирного времени. По прямым указаниям ч. 3 ст. 331 УК РФ, уголовная ответственность за совершение воинских преступлений в военное время либо в боевой обстановке, определяется законодательством РФ военного времени, которое пока еще не принято. Соответственно, нормативные предписания уголовного закона относительно воинских преступлений военного времени или условий боевой обстановки могут быть применены только за преступления, совершенные в этих временных периодах и после принятия соответствующего законодательства. Изложенное вытекает и из смысла предписаний ст. 9 УК РФ, которые обретают особую специфику применения для преступлений «растянутых» во времени, прежде всего, с материальными составами, со сложными составами (продолжаемые и длящиеся), а также для совершенных в соучастии.

Надо отметить, что воинские преступления представлены в уголовном законе РФ как преступления с материальным составом (например, предусмотренные статьями 332, 342-344, 346-352), так и с формальным составом (предусмотренные статьями 336-338, 345 и др.), а некоторые – с формально-материальным составом (статьями 333, 335, 339-341 УК). Длящимися являются преступления, предусмотренные, например, статьями 337, 338 и 339 УК РФ. Эти преступления делятся во времени (отсюда и происходит их название). В теории уголовного права длящиеся преступления принято относить к преступлениям с формальным составом [3, с. 10].

В качестве примера проблемы определения времени совершения указанных видов военных преступлений можно привести следующие типичные ситуации: 1) когда лицо совершило преступление в мирное время, а общественно опасные последствия наступили в военное время или в боевой обстановке, либо после их окончания (в мирное время); 2) когда лицо совершило преступление в военное время или в боевой обстановке, а общественно опасные последствия наступили в мирное время и наоборот; 3) когда лицо начало совершать продолжаемое преступление в мирное время и закончило в военное время или в боевой обстановке и наоборот; 4) когда лицо начало совершать продолжаемое преступление в мирное время, продолжило в военное время или в боевой обстановке и закончило в мирное время, и наоборот; 5) когда лицо начало совершать продолжаемое

преступление в мирное время, продолжило в мирное время, но в боевой обстановке и закончилось в мирное время, но в отсутствие условий боевой обстановке и наоборот; б) когда лицо совершило деящееся преступление в мирное время и было задержано в военное время или в боевой обстановке, или после их окончания (в мирное время); 7) когда лицо совершило деящееся преступление в военное время или в боевой обстановке и было задержано в мирное время; 8) другие варианты ситуаций. Аналогичные ситуации возникают и в соучастии (когда преступление растянуто во времени и один из соучастников действовал в мирное время, а другой в военное).

Анализ этих ситуаций указывает на необходимость разрешения вопроса – по каким временным обстоятельствам необходимо выбирать закон? Между тем, теория уголовного права не дает на него однозначного ответа. Усложняет разрешение данной проблемы и содержание предписания, предусмотренного ч. 2 ст. 9 УК РФ, согласно которому: «временем совершения преступления признается время совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий». И вполне может сложиться ситуация, когда начало и большая часть течения воинского преступления приходится на мирное время, а его окончание или наступление последствий на военное время (например, воинское подразделение не выполнило в этих условиях боевую задачу). В таком случае, исходя из действующей редакции положений ст. 9 УК РФ, данные обстоятельства учтены не будут.

В науке уголовного права по этому поводу существует две диаметрально-противоположные позиции. Так, одни исследователи (в частности, М.И. Блюм, Л.В. Иногамова, С.Г. Келина, А.В. Наумов и др.) в своих трудах отразили мнение, согласно которого данное словосочетание охватывает лишь деяния, как обязательный элемент объективной стороны состава преступления (то есть, по их мнению, временем совершения преступления является время непосредственного совершения действия (бездействия)). В связи с этим, такие элементы состава преступления, как последствия, причинная связь, время, место, способ и т.д. содержанием рассматриваемого словосочетания вообще не охватываются. Кроме того, временем совершения деящихся преступлений, как считают сторонники данной позиции, является время совершения деяния с которого начинается так называемое «преступное состояние» [4, с. 16; 5, с. 4; 6, с. 27; 7, с. 125-127]. Основными аргументами сторонников этой позиции являются, во-первых, понимание преступления именно как общественно опасного деяния (действия или бездействия), которое посягает на определенные социальные ценности; во-вторых, невозможность в большинстве случаев предвидения субъектом преступления как времени наступления его общественно опасных последствий, так и закона, который будет действовать на то время; в-третьих, субъективное отношение виновного к своим поступкам связано с законом, который существовал на момент совершения действия (бездействия); наконец, субъект деяния хотя всегда и сохраняет контроль над своим поведением, однако не всегда может изменить последствия, которые относятся к сфере внешнего мира, а также повлиять на развитие причинной связи [8, с. 46; 3, с. 14; 5, с. 4; 9, с. 212]. Практически аналогичные положения содержатся, например, в ч. 2 ст. 9 УК Беларуси, в ст. 7 УК Испании, в § 8 УК ФРГ.

Другие ученые (например, М.И. Коржанский, С.В. Маликов, К.К. Панько) предложили понимать под указанным словосочетанием весь состав преступления (в том числе, общественно опасные последствия и причинную связь между ними и т.д.) [10, с. 82; 11, с. 311; 12, с. 237-238]. При этом, многие из приверженцев этой позиции считают, что временем совершения деящихся преступлений является день их прекращения. В частности, М.И. Коржанский считал, что: «Временем совершения преступления считается: 1. Время совершения общественно опасных действий, которые образуют объективную сторону состава преступления в «формальных» составах преступления, в том числе и приготовления к преступлению и покушения на совершение преступления. 2. Время наступления общественно опасных последствий, если они являются обязательным

признаком состава преступления (так называемые «материальные» составы преступлений). 3. Время совершения преступления исполнителем для всех соучастников. 4. К деящимся преступлениям применяется новый уголовный закон, если преступное состояние субъекта продолжалось и после вступления в силу нового закона. 5. К продолжаемым преступлениям применяется новый уголовный закон, если хотя бы одно из образуемых его действий было совершено после вступления в силу нового уголовного закона» [10, с. 92]. Эта позиция нашла свое отображение в законодательстве ряда зарубежных стран, например, в ст. 6 УК Польши, ч. 2 ст. 5 УК Туркменистана, ч. 1 ст. 13 УК Узбекистана, ст. 10 главы 1 УК Финляндии, ст. 7 УК Швейцарии, ст. 4 главы 35 УК Швеции и др.

На наш взгляд, второй подход является более взвешенным, поскольку основывается на систематическом толковании нормативного предписания ч. 2 ст. 9 УК РФ. Как представляется, в действующей редакции оно противоречит логической связи событий и предписанию ст. 8 УК РФ, где определено, что основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления. Вместе с тем, в преступлениях с материальным составом к обязательным признакам относятся общественно опасные последствия. В этом случае, на что правильно обращает внимание К.К. Панько, «... исходя из предписания ч. 2 ст. 9 УК РФ, преступление считается уже совершенным и должен применяться закон, действовавший в момент его совершения, а не закон, действующий в момент наступления вредных последствий, изменивший предыдущий уголовный закон, хотя последствия еще не наступили и основания уголовной ответственности отсутствуют». По мнению этого ученого выходом из данной ситуации является изменение формулировки предписания, предусмотренного ч. 2 ст. 9 УК РФ, которое должно быть изложено следующим образом: «Временем совершения преступления признается время совершения общественно опасного действия (бездействия) или время наступления общественно опасных последствий в случаях, когда они предусмотрены уголовным законом» [12, с. 237-238]. Примерно такое же предложение сформулировал и С.В. Маликов, указав: «Временем совершения преступления признается время совершения общественно опасного деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом» [11, с. 311]. Положительной стороной данного подхода является и то, что он учитывает стадии совершения преступления, его объективные и субъективные признаки, удачно согласовывается с положениями ч. 2 ст. 14 этого Кодекса, где предусмотрено, что не является преступлением действие или бездействие, которое хотя формально и содержит признаки какого-либо деяния, предусмотренного этим Кодексом, но в силу малозначительности не представляет общественной опасности, то есть не причинило и не могло причинить существенный вред физическому или юридическому лицу, обществу или государству, а также со всеми нормативными предписаниями Особенной части УК РФ относительно преступлений с материальным составом.

По-нашему мнению, рассматриваемый подход к разрешению изложенной проблемы является наиболее целесообразным и применительно к воинским преступлениям, но с некоторой оговоркой, позволяющей при определении пределов действия военного уголовного законодательства во времени, в выше приведенных нами ситуациях, учесть их общественную опасность при изменении временных условий совершения и «протекания» этих преступлений, от мирного к военному времени или к боевой обстановке. Например, если дезертир, совершил преступление в мирное время, но преступное состояние продолжается уже в военное время. Традиционно все воинские преступления, в том числе и с материальным составом, предусмотренные нормативными предписаниями УК РФ, действие которых дифференцируется в зависимости от мирного времени и существования условий военного времени или боевой обстановки, а также нормативными предписаниями, которые действуют только во время существования условий военного времени или боевой обстановки, сформулированы в уголовном законе как преступления

связанные с осознанием виновным их направленности исключительно на воинский правопорядок. Это значит, что лицо совершая такое преступление осознает, хотя бы в общих чертах, его специальный характер. А поскольку условия военного времени и боевой обстановки могут являться или квалифицирующими, либо особо квалифицирующими признаками воинских преступлений, совершаемых как в мирное время, так и в военное, а также это могут быть самостоятельные составы преступлений, которые совершаются только в военное время (при условии, что нормативные предписания, их предусматривающие, не являются новым уголовным законом), то виновное лицо должно предусматривать и наступление таких временных условий. Это прямо следует из положений ряда нормативно-правовых актов РФ, которые регулируют правоотношения военной сферы. Так, ст. 2 Конституции РФ предусматривает, что защита Отечества является долгом и обязанностью каждого гражданина России. Понятие «защита Отечества» прямо не раскрывается действующим законодательством РФ, но из содержания понятия «оборона», которое предусмотрено в ч. 1 ст. 1 ФЗ «Об обороне» от 31.05.1996 г., следует, что под этой категорией понимается: «... система политических, экономических, военных, социальных, правовых и иных мер по подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации, целостности и неприкосновенности ее территории». Следовательно, на наш взгляд, защита Отечества заключается в выполнении задач по обороне РФ, в подготовке и защите ее суверенитета и территориальной целостности. Эти задачи, в соответствии с ч. 3 ст. 4 Конституции РФ возлагаются на РФ. Согласно ст. 1 ЗФ «Об обороне», в целях обороны создаются Вооруженные Силы РФ. К обороне также привлекаются другие войска и воинские формирования. Необходимость готовности военнослужащих к выполнению задач, связанных с защитой Отечества (обязанность поддерживать боевую готовность), то есть возможность наступления в любой момент условий военного времени или боевой обстановки и необходимость выполнения военнослужащими своих обязанностей в этих условиях, следует, например, из «Общих обязанностей военнослужащих» (статьи 16-23) предусмотренных Уставом внутренней службы Вооруженных Сил РФ, утвержденного Указом Президента РФ от 10.11.2007 г.

Исходя из изложенного, можно констатировать, что военнослужащий не только может, но и обязан быть готовым выполнить свой воинский долг в условиях военного времени и (или) в боевой обстановке и предусмотреть возникновение этих условий в любой момент (что является сутью боевой готовности), а соответственно, такое лицо, совершая воинское преступление, например, в мирное время, осознает специальную противоправность своего деяния и возможность (в любой момент) «перетекания» этого преступления в рассматриваемые условия и (или) предвидит наступление его общественно опасных последствий в указанных условиях.

По-нашему мнению, аналогично должен решаться вопрос и в случаях совершения лицом длящихся и продолжаемых воинских преступлений, а также в соучастии. Как известно, основным признаком длящегося преступления выступает непрерывность осуществления виновным преступного деяния (действия или бездействия), которое образует своеобразное преступное состояние. Другими словами, такое лицо постоянно совершает длящееся преступление. Поэтому, в случае наступления начала действия нормативных предписаний уголовного закона относительно условий военного времени и боевой обстановки, оно (исходя из указанного выше) осознанно нарушает и их. По общему правилу квалификации преступлений специальное нормативное предписание имеет преимущество над общим. Следовательно, в обеих приведенных нами выше ситуациях в отношении длящихся воинских преступлений должны применяться нормативные предписания уголовного закона относительно условий военного времени или боевой обстановки. Это же положение должно учитываться в отношении продолжаемых воинских преступлений и при совершении воинских преступлений в соучастии. Нормативные предписания уголовного закона относительно условий военного

положения и боевой обстановки должны применяться, если хотя бы одно из образующих продолжаемое преступление действий было совершено во время их действия.

Как указывалось, особенности применения ст. 10 УК РФ к воинским преступлениям лежат в плоскости того, что закон, по которому должны привлекать к уголовной ответственности военнослужащих за совершение воинских преступлений в военное время или в боевой обстановке, лишь только задекларирован ч. 3 ст. 331 УК РФ, но все еще не принят. В таком случае возникает ситуация, когда в отсутствие данного закона имеют место условия военного времени или боевой обстановки. При этом, реализация предписания, предусмотренного ч. 3 ст. 331 УК РФ, будет препятствовать применению военного уголовного законодательства мирного времени, указанием о том, что уголовная ответственность за совершение преступлений против военной службы в этих временных условиях определяется исключительно: «... законодательством Российской Федерации военного времени». Для разработки и принятия последнего понадобится какое-то время, что вызвано длительностью и неоднозначностью процесса принятия федерального законодательства. И даже после его принятия и набрания силы законом военного времени он не может быть применен к воинским преступлениям, совершенным до вступления его в силу, поскольку, согласно доктрины уголовного права, по причине повышенной опасности преступлений, совершенных в этот временной период, он должен быть строже уголовного закона мирного времени, а в соответствии с предписаниями ч. 1 ст. 54 Конституции РФ и ст. 10 УК РФ, «Закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет». Это обстоятельство, на наш взгляд, служит одним из аргументов в пользу превентивной криминализации воинских преступлений, совершаемых в военное время и в боевой обстановке.

Таким образом, подводя итоги изложенному мы предлагаем вынести на общее обсуждение предложение, согласно которого нормативные предписания уголовного закона, относительно условий военного времени или боевой обстановки, подлежат обязательному применению, если хотя бы один из периодов протекания воинского преступления выпал на время наличия указанных условий, что должно найти свое отражение в уголовном законе.

Список литературы:

1. Энциклопедия уголовного права. Т. 2. Уголовный закон. – Издание профессора Малинина. - СПб.: ОАО «ИПП «Искусство России», 2009. - 847 с.
2. Уголовное право России. Общая часть: учебник // Под ред. Ф.Р. Сундурова, И.А. Тарханова. - 3-е изд. перераб. и доп. - М.: Статут, 2009. - 862 с.
3. Бойцов А.И., Волженкин Б.В. Уголовный закон: действие во времени и пространстве: Учебное пособие. - СПб.: Инс-т повышения квалификации прокурорско-следственных работников Прокуратуры Российской Федерации, 1993. - 104 с.
4. Блюм М.И. Вопросы действия советского уголовного закона во времени // Ученые записки латвийского государственного университета. Т. 44. Юридические науки. - Вып. 4. - Вопросы уголовного права и процесса. - Рига: Латв. гос. ун-т им. Петра Стучки, - 1962. - 196 с.
5. Иногамова Л.В. Действие уголовного закона: некоторые проблемы // Региональные проблемы борьбы с преступностью в период совершенствования законодательства: Межвуз. сборн. научн. труд. - Тюмень, 1992. - С. 4-8.
6. Келина С.Г. Советский уголовный закон // Советское уголовное право. Часть Общая. - В 18-ти вып. Вып. 2. - М.: Всесоюз. юрид. заочн. ин-т, 1961. - 46 с.
7. Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм (по материалам следственной и прокурорско-судебной практики). - Волгоград: изд-во ВСШ МВД СССР, 1973. - 176 с.
8. Блюм М.И., Тилле А.А. Обратная сила закона. Действие советского уголовного закона во времени. - М.: Юридическая литература, 1969. - 136 с.

9. Коробеев А.И. Обсуждение нового уголовного законодательства: «Круглый стол» кафедры уголовного права Юридического института ДВГУ // Правоведение. - 1998. - № 2. - С. 211-218.

10. Коржанський М.Й. Кримінальне право і законодавство України. Частина Загальна: Курс лекцій / М.Й. Коржанський. - К.: Атіка, - 2001. - 432 с.

11. Маликов С.В. Время и сроки в уголовном праве России: монография / отв. ред. А.И. Чучаев. - М.: Проспект, 2019. - 316 с.

12. Панько К.К. Теория и практика законотворчества в уголовном праве: монография. - М.: Юрлитинформ, 2011. - 312 с.

ХАРАКТЕРИСТИКА СУДЕБНО-ТОВАРОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ТОВАРОВ В УКРАИНЕ

Бондаренко-Берегович В.В. доктор философии, Житомирский научно-исследовательский экспертно-криминалистический центр Министерства внутренних дел Украины

Переход Украины на свободные рыночные отношения и развитие частного предпринимательства дало толчок фальсификации продукции, а также ненадлежащее предоставление соответствующих услуг населению. Потребительские товары являются постоянным объектом исследования судебно-товароведческой экспертизы по их стоимости, количеству и качеству. Современное состояние формирования методики указанной экспертизы требует постоянного усовершенствования.

В.В. Архипов подчеркивает, что судебно-товароведческая экспертиза является одним из видов судебных экспертиз, ее развитие как любой научно-практической деятельности, имеющей прикладной характер, определялось потребностями судебно-следственной практики [1].

Судебно-товароведческая экспертиза может быть назначена как на стадии досудебного расследования судом, следователями и дознавателями, так и при рассмотрении в суде по уголовному, гражданскому и хозяйственному процессам.

Товар – это любой вид продукции, удовлетворяющий потребности человека [2; 3].

К основным задачам товароведческой экспертизы Ю.В. Додонкин, Д.И. Комич и другие ученые засчитывают основные внутренние и внешние признаки характеристики товаров [4; 5].

В специальной литературе вопрос о предмете экспертизы определен, как круг вопросов в области специальных знаний, решаемых при написании экспертизы, другими – в точном соответствии с уголовно-процессуальным Кодексом – как круг обстоятельств дела, которые можно установить с помощью судебной экспертизы [6].

Судебно-товароведческая экспертиза имеет свою процессуальную форму, а эксперт-товаровед – определенные функции и права, отличающие его от следователя, специалиста или дознавателя, что отражено в уголовном процессуальном законодательстве. В то же время исследование следователем или специалистом объектов познания, использование ими криминалистических и других методик, научно-технических средств, изложение своих выводов в соответствующих процессуальных документах почти ничем не отличаются от той деятельности, которую проводит судебный эксперт. При назначении судебно-товароведческой экспертизы следователь (дознаватель) должен исходить из конкретных обстоятельств конкретного уголовного правонарушения, вопросов, возникающих во время следствия, имеющихся экспертных методик и опыта проведения таких экспертиз.

Товароведение – это фактические данные, содержащие доказательную информацию об объекте товарного происхождения, его качественно-количественные характеристики,